

СОЗДАТЕЛЬ

РЫЦАРЬ ТЕРПСИХОРЫ

Сегодня достижения белорусской хореографии связаны с именем главного балетмейстера ГАБТ БССР народного артиста СССР Валентина ЕЛИЗАРЬЕВА.

Карта: ГАБТ БССР

ведениями в том смысле, в каком мы говорим об авторском кинематографе. С постановщиком работают талантливые сценаристы — Евгений Лысик и Эдгар Гейдельбрехт, но на общем облике постановки лежит яркая печать личности хореографа, который творит на сцене нечто большее, чем балетное представление.

Вот это современное видение и увлекло тогда молодежь балета. С восторгом взялись за постановку «Кармен-сюиты» Бизе—Щедрина. Все было новым, все было не так! Вместо сиреневых марлевых перспектив и картонных горных вершин сценическое пространство наполнилось густым цветом красного и черного. Костюмы танцовщиков дерзко врывались ярко-зелеными, фиолетовыми, желтыми пятнами в круговорот балетных построений. Обострился ритм, движения стали смелыми, раскованными...

А дальше произошло чудо: на постановки Elizaryeva потянулся зритель, зритель молодой, который сразу почувствовал в нем современника, ищущего, стремящегося докопаться до самой сути коллизий, раздирающих мир. Elizaryev словно сорвал с балета покровы консервативности и рутины, элитарности. Он заговорил ясным громким голосом. Зал «проснулся». Первый бой был выигран.

Одна за другой работы Elizaryeva удивляют зрителей, вскрывают новые пласты образного видения. Он ставит балеты, уже знакомые, но открывает в них новые пластические возможности. «Сотворение мира» А. Петрова, «Спартак» А. Хачатуряна, «Щелкунчик» П. Чайковского засверкали в хореографии Elizaryeva выдумкой, новизной сценического рисунка, темпераментом. Герои балетов Elizaryeva — Адам, Уленшпигель, Спартак, — не страдальцы-одиночки, а носители общей идеи: освобождения духа человеческого из пут мрака, незнания, рабства. Они —

часть народа, выразители самых светлых его стремлений. Массовые действия в его балетах особенно впечатляющи. Elizaryev заметно «оживил» кордебалет, сделал его более драматургичным, динамичным.

Elizaryev кропотливо, год за годом подбирает и воспитывал исполнителей, способных выразить его творческие идеи. Но и исполнители на его балетах росли, выявляли свои возможности. Так засверкали звезды белорусской балетной сцены: Людмила Бржловская и Юрий Троян, Владимир Комков и Владимир Иванов. Выросла целая плеяда молодых ярких танцовщиков: Н. Дадичкилиани, И. Душкевич, Т. Шеметовец, Н. Филиппова, А. Курков, Ю. Раукуть. С ними постановщик может идти на любой эксперимент.

Его метод работы с исполнителями прост: он не рассказывает долго и подробно содержание балета и психологию героев. Он приходит на первое занятие и показывает все от начала до конца. И этот показ наводит артистов на мысли, которые окончательно должны оформиться в работе. Когда же выработана концепция, когда приходит убежденность, ощущение формы — все идет само собой, трудностей с исполнителями он не испытывает.

Искусствоведы сначала не могли дать точного определения постановкам Elizaryeva. Ясно было, что он работает крупными мазками, создает фрески, внутри которых есть место и миниатюре, и сквозной лирической теме. Все его работы могут с полным правом называться личными именами героев: Кармен, Адам и Ева, Уленшпигель, Спартак, Щелкунчик. Его Адам — образ картин Микеланджело — весь плоть от плоти земли. Ева — олицетворение женственности, созидания. А Тиль Уленшпигель словно сошел со средневековых гравюр, представляющих шутов и скоморохов. Внешне Спар-

так напоминает атлетов античности. Поэт в одной из последних работ — «Кармина Бурана» К. Орфа — образ картин Брейгеля. У Elizaryeva все укрупнено и выделено: любовь, смерть, борьба, насилие. Все трагично, все выходит за рамки одной судьбы, личности, сюжета. Место действия: космос, Земля, средневековая Фландрия, Древний Рим, Испания в огне гражданской войны, эпоха Ренессанса. Герои живут на пределе напряжения нравственных сил. Экспрессия тел выявляет ту степень напряженности, которая свидетельствует об интенсивности мышления самого постановщика. Его балеты — менее всего иллюстрация. Скорее — размышление, философская дилемма, трагический вопрос.

Сам Elizaryev, в общем-то, мало отвечает традиционному представлению о балетмейстере. Очень собраный, похожий на боксера перед схваткой. Приземистый, с упрямым лбом. Удивительная, почти детская способность воспринимать новое, восхищаться прекрасным. И твердая, железная дисциплина профессионала, находящегося постоянно в работе. Ставит одно, а думает уже о новой постановке.

— Теперь мне кажется, что всегда хотел заниматься только этим, — рассказывает Elizaryev, выросший в семье, где никто не был связан с театром. — И когда был в художественной самодеятельности, куда меня привела за руку мама... И когда учился в хореографическом училище, и когда получил травму, перечеркнувшую будущую карьеру танцовщика, — все, все, на первый взгляд, случайности настойчиво подталкивали меня к профессии хореографа. Это как болезнь, только «болезнь», превратившаяся в любовь, а теперь в профессию на всю жизнь. Профессию, на мой взгляд, лучшую в мире. Это трудно объяснить, но когда что-то получается, я чувствую себя са-

мым счастливым человеком... как всякий нормальный человек.

— Как рождается балет? — Для меня это загадка. Я вот, например, часто вижу очень интересные сны. Иногда вскакиваю среди ночи и записываю. Часто целые сцены вижу: как поставлены, как выглядят. И если сразу сумею проснуться — это лучше всего. Так однажды увидел весь первый акт «Щелкунчика». А обычно это так: сначала возникает мысль, идея, затем начинается звучать музыка, или же это происходит одновременно. Потом возникают зрительные образы. Бывает и параллельно — по-разному. Некоторые записывают хореографию на бумаге. Мне приходится все запоминать. В общем-то, я прихожу к танцовщикам уже с целым балетом в голове, знаю, «про что» буду ставить. А уж пластику проигрываю на актерах. И каждый раз отмечаю про себя: очень мало получается из того, что придумал дома.

Когда погружаешься в атмосферу балетов «Щелкунчик» или «Кармина Бурана», ощущаешь, из какой тонкой материи сотворены эти постановки. Они, будто вымечтаны из музыки и движения. Много говорилось раньше о трагедийной масштабности, публицистичности даже его ранних постановок. Долго не замечались другие стороны — проникновенность, лирическая страстность, очарование, исходящее от многих, даже второстепенных образов балетов Elizaryeva. Зато это прекрасно чувствовали зрители, которые жадно тянутся вновь и вновь погрузиться в их атмосферу.

— Балет должен быть очень емким, — говорит Валентин Elizaryev, — и лиричным, и трагедийным, и комическим, и интеллектуальным. И в то же время простым. Ведь нам так не хватает простоты, мы часто сами воздвигаем стены, отгораживающие нас от жизни, стесняемся своего детства, простых, искренних движений души, доверчивости. Мы разучились доверять. Мы потеряли право на ошибки. А ведь ошибки движут человечеством, неудачи толкают вперед... Нам необходимо осознать неизбежность движения навстречу друг другу, чтобы избежать самой страшной ошибки, которую можем совершить по отношению к жизни на земле.

— Характер личности балетмейстера влияет на его творчество?

— Для меня человек — это характер. Пусть ершистый, пусть «неудобный» для окружающих, но чтобы в нем видна была личность. Ведь творчество живет личностями, принимает их облик. Но в таком коллективном творчестве, как балет, одно «я» балетмейстера мало что значит, и не только потому, что он воплощает свои замыслы через артистов, через декорации, музыку... На меня огромное влияние оказала личность моего учителя — Бельского. В том, что я делаю теперь, есть и характер моего учителя. Добавьте сюда — характеры исполнителей, композиторов, художников... Их так много — людей, создающих зрелище! Где же тут характер постановщика? Не теряется ли он? Нет. Это авторские «мысли». Мысли и те движения души, которые говорят о его, автора, любви и ненависти.

Балеты Elizaryeva удивительно похожи на него самого. Интеллектуала и романтика, азартного борца и упорного созидаателя.

Татьяна ТЮРИНА.
МИНСК.

На снимках: В. Elizaryev и его театр балета.
Фото Виктора ДРАЧЕВА.